

Проблемы частного права / Problems of the private law

Научная статья
УДК 347.721
doi: 10.17223/22253513/54/7

Ограниченная ответственность и механизмы её игнорирования в правопорядках Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки

Алексей Андреевич Кравчук¹

¹ *Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
zkv3krava@mail.ru*

Аннотация. В статье исследуются теоретические и практические подходы РФ и США к пониманию ограниченной ответственности, а также к применению механизмов её игнорирования в случае злоупотребления этим правом. Автор занимается анализом следующих вопросов: (1) изучение юридической сущности, преимуществ и недостатков концепции ограниченной ответственности; (2) исследование юридических предпосылок для использования доктрины прокалывания корпоративной вуали; (3) рассмотрение особенностей применения доктрины обратного прокалывания корпоративной вуали.

Ключевые слова: корпоративное право, ограниченная ответственность, прокалывание корпоративной вуали, обратное прокалывание корпоративной вуали, теория единого предприятия

Для цитирования: Кравчук А.А. Ограниченная ответственность и механизмы её игнорирования в правопорядках Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 54. С. 111–133. doi: 10.17223/22253513/54/7

Original article
doi: 10.17223/22253513/54/7

Limited liability and mechanisms for ignoring it in the legal orders of the Russian Federation and the United States of America

Aleksey A. Kravchuk¹

¹ *Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, zkv3krava@mail.ru*

Abstract. Modern corporate law, as well as the phenomenon of corporation itself, are unthinkable in isolation from the limited liability institution. It should be recognized

that the current level of the global economy development has been achieved precisely thanks to the adoption of this institution, which gave rise to the development of a corporate model of business process management. However, the limited liability of investors often leads to the abuse of this right, that is performed by using a legal entity structure for illegal purposes. The legal systems of various states have developed methods to crack down on such offenses, which make it possible in certain cases to disregard the independent legal personality of commercial corporations (companies).

The purpose of this article is to explore presented in the legal systems of the Russian Federation and the United States of America theoretical and practical approaches to understanding the limited liability institution, as well as to applying to mechanisms for disregarding it when this right was abused. For this purpose, the author has identified and consistently solved the following research tasks: (1) consider the legal nature of limited liability, as well as the main advantages and disadvantages of integrating this institution into public legal relations; (2) examine the legal basis for applying the doctrine of the corporate veil piercing; (3) study the specific characteristics of the corporate veil reverse piercing doctrine.

This research is based on the use of a number of common and special scientific methods for studying social phenomena and processes, including: comparative legal, formal logical, formal legal, dialectical, complex, structural and functional methods and the method of system analysis. The empirical basis of the study consists of current legislative norms and judicial practice materials of two countries, applicable to the problematic field of the research.

At the end of the article, the author concludes that the grounds for ignoring the legal personality of corporations (companies) are similar for the legal systems of the Russian Federation and the United States. In the most general form, they can be reduced to three main conditions: (1) the debtor corporation (company) has caused material losses for its creditors; (2) the debtor corporation (company) has lost its autonomy and is under the direct control of affiliates pursuing their own interests; (3) persons, which have effective control over the debtor corporation (company), has abused their rights. It was also found out that in the USA, unlike the Russian Federation, the mechanisms for disregarding the legal personality of a corporation (company) have a clear doctrinal form (alter ego theory, instrumental theory, single enterprise theory). However, the Russian Federation civil legislation allows the judicial organs to apply the corporate veil piercing in practice, which is directly confirmed by the statistical data presented in the article. Unfortunately, the same cannot be said regarding to the mechanism of the corporate veil reverse piercing, which is currently not widespread in the Russian Federation.

Keywords: corporate law, limited liability, piercing of the corporate veil, reverse piercing of the corporate veil, single enterprise theory

For citation: Kravchuk A.A. (2024) Limited liability and mechanisms for ignoring it in the legal orders of the Russian Federation and the United States of America. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 54. pp. 111–133. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/54/7

Введение

Современное корпоративное право, как и сам феномен корпорации, немислимы в отрыве от института ограниченной ответственности. Следует признать, что достижение текущего уровня развития глобальной экономики во многом стало возможным именно благодаря внедрению этого института, давшему старт развитию корпоративной модели управления бизнес-процес-

сами. Однако ограниченность ответственности инвесторов нередко приводит к злоупотреблению этим правом, т.е. к использованию корпоративной формы для достижения незаконных целей. Правовыми системами различных государств выработаны методы борьбы с подобными правонарушениями, позволяющие в определённых случаях игнорировать самостоятельную правосубъектность коммерческих корпораций (компаний)¹.

Статья направлена на анализ теоретических и практических аспектов концепции ограниченной ответственности, представленных в законодательствах РФ и США, а также на изучение механизмов отступления от этого принципа при злоупотреблении им. Автор ставит перед собой следующие задачи: (1) изучить правовую природу ограниченной ответственности, а также основные преимущества и недостатки внедрения этого института в общественные правоотношения; (2) разобрать нормативные основания использования доктрины прокалывания корпоративной вуали (далее – ПКВ); (3) рассмотреть условия применения доктрины обратного прокалывания корпоративной вуали (далее – ОПКВ).

Методы научного исследования

Исследование базируется на использовании множества общих и специализированных методов анализа социальных явлений и процессов, включая структурно-функциональный, диалектический, сравнительно-правовой, формально-юридический, формально-логический, комплексный, а также метод системного анализа. Комплексный метод позволил подробно изучить институт ограниченной ответственности, в том числе выявив преимущества и недостатки его внедрения в общественные правоотношения. Применение метода системного анализа и структурно-функционального метода позволило обнаружить общие черты и особенности порядка применения доктрины ПКВ и ОПКВ. Использование сравнительно-правового метода дало возможность соотнести законодательные нормы и решения судебных органов РФ и США, актуальные для исследуемой в статье проблематики. В работе также нашли применение формально-логический и формально-юридический методы, которые являются стандартными для юридических исследований.

¹ В рамках проводимого исследования под коммерческими корпорациями понимаются корпорации типа С и S (США) и акционерные общества (РФ), а под коммерческими компаниями – компании с ограниченной ответственностью (США) и общества с ограниченной ответственностью (РФ). Существенными характеристиками этих юридических лиц, имеющими ключевое значение для целей проводимого исследования, являются: во-первых, разделение уставного капитала на определенное количество акций (долей), каждая из которых удостоверяет обязательственные права акционеров (участников) по отношению к корпорации (компании); во-вторых, ответственность акционеров (участников) по рискам, связанным с деятельностью коммерческой корпорации (компании), ограничена стоимостью принадлежащих им акций (долей в уставном капитале) [1. С. 89–90].

Степень научной разработанности темы

Тематика настоящего исследования нашла достаточно широкое отражение в трудах российских и зарубежных учёных. Анализ становления и развития института ограниченной ответственности представлен в работах Ф. Кемпина-младшего [2], Р. Харриса [3], Г. Хансманна, Р. Краакмана и Р. Сквайера [4], В. А. Лаптева [5], А. Н. Артёмовой [6] и др. Основания и условия применения доктрины ПКВ рассматривались Дж. Оллсопом [7], Т. Ченгом [8], Дж. Мэйси и Дж. Миттсом [9], А. Спаркманом [10], А.Н. Захаровым [11], Е.М. Тужиловой-Орданской [12], А.Н. Артёмовой [13], Т.Г. Подшиваловым [14] и др. Исследованием доктрины ОПКВ занимались Н. Аллен [15], Э. Миллер [16], Г. Хансманн, Р. Краакман и Р. Сквайер [4], И.С. Шиткина и Д.Г. Копылов [17], И.Л. Амирян [18] и др. Тем не менее следует признать, что на сегодняшний день процесс создания национального корпоративного права ещё не завершён, что подчёркивает важность продолжения исследований в этой области. Необходимо уделять особое внимание этой тематике для стимулирования академического обсуждения и поиска оптимальных направлений для развития корпоративного законодательства РФ, включая возможность внедрения передовых иностранных практик.

Исследовательская часть

1. Правовая природа института ограниченной ответственности

В основу принципа ограниченной ответственности корпорации (компании) положена конструкция юридического лица – один из способов применения юридической фикции [6. С. 122]. По своей природе корпорация (компания) как юридическое лицо не реальна, т.е. этот субъект правоотношений не относится к предметам или явлениям материальной действительности. Будучи искусственным образованием, корпорация (компания) не имеет собственной воли. Её воля находится в полной зависимости от воли индивидов, включённых в процесс создания корпорации (компании) и последующего управления её деятельностью [19. С. 53]. В этом контексте корпорация (компания) является лишь комплексом юридически оформленных договорённостей между вкладчиками капитала, менеджерами (профессиональными управляющими) и рабочими [20. С. 89–90]. Вне этих отношений корпорация (компания) существовать не может.

Ограниченная ответственность считается основополагающим правовым принципом, устанавливающим границы ответственности акционеров (участников) по обязательствам учреждённых ими корпораций (компаний) в пределах текущей стоимости принадлежащих им акций (долей). Иными словами, акционеры (участники) освобождаются от любых претензий кредиторов на любую сумму, превышающую объём вложенных ими инвестиций, независимо от причины возникновения задолженности корпорации

(компании) [21. С. 823–824], кроме случаев, когда они обязаны нести ответственность, ввиду возникновения независимого правового основания, например, лично выступая гарантом по кредиту корпорации (компании), либо лично являясь причинителем вреда, и т.д. [16. С. 1–2].

Мы не будем останавливаться на истории становления института ограниченной ответственности и его влиянии на развитие мировой экономики. Достаточно подробный анализ этих процессов представлен в работах американских ученых Ф. Кемпина-младшего [2], Р. Харриса [3], Г. Хансманна, Р. Краакмана и Р. Сквайера [4]. Вместо этого сосредоточимся на положительных аспектах, которые привнёс институт ограниченной ответственности, сделав корпорации (компании) наиболее распространённым видом коммерческих структур.

Как справедливо отметил Ф. Кемпин-младший, в сознании широких масс главным атрибутом современной коммерческой корпорации считается именно ограниченная ответственность её акционеров. Этот механизм позволяет получить определённые дивиденды для каждой категории субъектов, так или иначе вовлечённых в корпоративные правоотношения. Инвестор снижает риски, подчиняя «капризам судьбы» только ту сумму денег, которую он инвестировал в корпорацию. Экономист получает действенный механизм привлечения капитала. Юрист получает почву для рационального вывода о том, что корпорация самостоятельно несет ответственность по своим долгам. И лишь кредитор вынужден иметь дело с неизбежным злом, получая препятствие, которое нужно обойти, требуя включения личной ответственности дополнительных лиц в рамках корпоративной ответственности как условие для выдачи кредита [2. С. 11].

Оценивая основные преимущества института ограниченной ответственности, разные исследователи, по существу, приходят к одному и тому же выводу, что главным из них следует считать возможность снижения персональных финансовых рисков акционеров (участников). Однако механизм минимизации этих рисков понимается ими по-разному.

Одни считают, что посредством ограничения ответственности акционеров (участников) последние перекладывают часть своих рисков на кредиторов корпорации (компании). Объясняется это тем, что зачастую активов корпорации (компании) бывает недостаточно для погашения требований кредиторов. Это подталкивает акционеров (участников) к инвестированию средств в рискованные предприятия. В результате складывается ситуация, при которой акционеры (участники) получают все выгоды от рискованной деятельности, но риск убытков разделяют с кредиторами корпорации (компаний) [22. С. 65–76; 23. С. 845–850].

Согласно другой точке зрения, снижение рисков акционеров (участников) обеспечивается возможностью диверсификации финансовых потоков. Инвестируя в различные предприятия, акционер (участник) самостоятельно определяет размер своего участия, а следовательно, и риска в каждом из них. Если бы ответственность акционера (участника) была полной, то в случае

банкротства одной из корпораций (компаний), в которой он участвует, появлялся бы риск утраты всего состояния инвестора. Тем самым институт ограниченной ответственности позволяет каждому инвестору застраховаться от провала одного проекта путём владения акциями (долями) других фирм [20. С. 93–98; 24. С. 9–11].

Существует ещё одно мнение, что институт ограниченной ответственности позволяет отделить собственность от управления, делая возможным так называемое пассивное владение, при котором роль собственника в управлении корпорацией (компанией) заметно снижается. Теперь акционеру (участнику) не требуется специального опыта управления корпорацией (компанией), поскольку управленческие функции передаются штату профессиональных менеджеров. Это, с одной стороны, снижает риски для самого собственника, поскольку он не будет страдать от последствий принятия им неправильных управленческих решений, а с другой стороны, упрощает привлечение капитала для корпорации (компании), поскольку инвесторами могут становиться люди, не имеющие специальных познаний в области деятельности организации [25. С. 102–103].

С точки зрения автора, все обозначенные выше позиции имеют право на существование, более того, они прекрасно дополняют друг друга, не вступая в противоречия. В целом становится очевидным, что по своей природе институт ограниченной ответственности направлен на защиту личных активов акционеров (участников) от возможных притязаний со стороны кредиторов корпорации (компании). Однако американские учёные Г. Хансманн, Р. Краакман и Р. Сквайер справедливо полагают, что это лишь одно из существующих проявлений ограниченной ответственности, которое они обозначили как механизм защиты собственника (owner shielding) [4. С. 1339]. Есть и её другая (в некотором смысле инвертированная) ипостась, посредством которой обеспечивается защита имущества корпорации (компании) от кредиторов её собственников. Она получила название механизма защиты юридического лица (entity shielding).

Коллектив указанных авторов полагает, что с экономической и исторической точки зрения механизм защиты юридического лица более значим, нежели классическое проявление ограниченной ответственности. Практическое применение этого механизма позволяет резервировать активы корпорации (компании) для её собственных кредиторов. Это способствует получению значительных экономических выгод, которые включают в себя уменьшение кредитных издержек для компаний, сокращение расходов на реализацию процедуры банкротства, увеличение общей стабильности бизнеса, а также создание условия для стабильного функционирования фондовых рынков [4. С. 1336–1340].

Следует отметить, что российскому правопорядку также известны оба этих проявления ограниченной ответственности. Они нашли своё отражение¹ в п. 2 ст. 56 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [26], а также в п. 1 ст. 2 и п. 2 ст. 3 Федерального закона (далее – ФЗ) «Об акционерных обществах (далее – АО)» [27] и ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью (далее – ООО)» [28].

Влияние принципа ограниченной ответственности на общественные отношения носит амбивалентный характер. С одной стороны, он порождает ряд существенных экономических преимуществ, которые мы рассмотрели выше, с другой же стороны, ограниченность ответственности инвесторов приводит к злоупотреблению этим правом. Так, акционеры (участники), а также прочие лица, контролирующие деятельность корпорации (компаний), могут использовать подконтрольное им юридическое лицо в незаконных целях [6. С. 123–124], прикрываясь при этом ограниченной ответственностью. Профессор П. Айрлэнд вовсе считает, что институт ограниченной ответственности неизбежно порождает и «институционализирует безответственность» [23. С. 846–849]. Естественной реакцией на возраставшее число случаев злоупотребления нормами корпоративного права стала доктрина прокалывания (обратного прокалывания) корпоративной вуали, применение которой основывается на игнорировании правосубъектности корпорации (компаний) при выявлении случаев злоупотребления правом (недобросовестного поведения) со стороны лиц, имеющих реальный контроль над этим юридическим лицом [6. С. 123–124].

2. Прокалывание корпоративной вуали

В США доктрина ПКВ (piercing of the corporate veil) прочно вошла в юридическую практику. Её легальное закрепление обеспечивается законами о корпорациях (компаниях), принимаемыми в каждом отдельном штате. Несмотря на разнообразие этих законов, особое внимание привлекают два ключевых подхода к реализации этой доктрины, представленные в законодательстве о корпорациях штатов Техас и Делавэр. В первом случае законодатель четко определяет условия применения доктрины, сводя их к дискуссиям о совершении мошенничества (несправедливости) и о наличии ситуации альтер-эго, отражённым в прецедентном праве и научной доктрине [29]. Во втором случае закон предоставляет учредителям корпорации (компаний) право самостоятельно определять конкретные условия, при которых акционеры (участники) будут лично отвечать по корпоративным обязательствам. Эти положения закрепляются путём их включения в свидетельство о реги-

¹ Учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица (прим. автора: аналог «owner shielding»), а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника (прим. автора: аналог «entity shielding»).

страции корпорации (компании). Во всех остальных обстоятельствах акционеры (участники) освобождаются от ответственности по долгам компании, кроме случаев, когда их собственное поведение влечет за собой ответственность [30]. Аналогичный подход содержится и в Модельном законе о предпринимательских корпорациях США [31].

В целом суть доктрины ПКВ была довольно чётко определена в решении Верховного суда штата Техас от 02.06.1986 № C-4536, где указано, что хотя корпоративная структура обычно обеспечивает защиту акционеров, должностных лиц и директоров от личной ответственности по обязательствам компании, в случаях злоупотребления корпоративными привилегиями суды могут отступить от этого принципа и привлечь их к индивидуальной ответственности [32].

Правильное понимание этой трактовки требует раскрытия категории «злоупотребление корпоративными правами». По этому вопросу имеются различные мнения. Например, в том же решении Верховный суд штата Техас выделил шесть основных случаев, в которых необходимо прибегать к игнорированию корпоративной фикции: (1) её используют для сокрытия незаконных действий (правонарушения или преступления); (2) она служит средством уклонения от юридических обязательств; (3) её применяют в качестве инструмента для мошенничества; (4) с её помощью обходят нормы законодательства; (5) её применяют для создания монополии; (6) корпорация (компания) является простым инструментом или посредником для реализации деловых интересов другого юридического лица [32]. Важное изменение было внесено в Закон о бизнес-корпорациях Техаса в 2010 г., согласно которому акционеры или аффилированные лица не несут ответственности за договорные и прочие связанные с ними обязательства корпорации, за исключением случаев, когда корпорация использовалась для совершения фактического мошенничества с целью получения прямой личной выгоды указанных лиц [33]. Иными словами, лица, контролирующие корпорацию, привлекаются к ответственности по долгам корпорации, только если будет доказано, что корпорация осуществляла противоправную деятельность для прямой личной выгоды этих лиц. В настоящее время эта норма закреплена законодательно § 21.223 Кодекса коммерческих организаций штата Техас [29].

Некоторые практикующие корпоративные юристы предпочитают объединять первые четыре из вышеупомянутых случаев в одну укрупнённую группу – наличие мошенничества (fraud) или несправедливости (injustice) [34, 35]. На наш взгляд, такая позиция вполне обоснована, так как все перечисленные ситуации имеют прямое отношение к осуществлению незаконной деятельности, выражающейся в нарушении закона (совершении правонарушений или преступлений) или в ущемлении прав третьих лиц. Следует признать, что это основополагающий аргумент, который используется судом для ПКВ [36–38]. При этом, чтобы доказать факт совершения мошенничества, истец должен доказать имевшее место бесчестность цели или намерение обмануть. Более того, факт мошенничества должен иметь самое

прямое отношение к конкретному договору (обязательству), находящемуся на рассмотрении суда [39].

Названными выше специалистами в числе прочих условий для ПКВ также выделяются такие признаки как: (1) неспособность сохранить индивидуальность (идентичность) компаний (речь о материнских и дочерних компаниях); (2) неспособность сохранить индивидуальность (идентичность) компании и её владельцев (акционеров); (3) неспособность адекватно капитализировать компанию; (4) неспособность соблюдать корпоративные формальности [34, 35]. При этом, как нам представляется, неспособность сохранить идентичность компании, при которой происходит смешение средств корпорации (компании) и средств её акционеров (участников) или материнской компании, тесно взаимосвязана с приведёнными Верховным судом штата Техас ситуациями, когда коммерческая структура используется в целях создания монополии, или одна компания является инструментом (посредником) для реализации бизнес-интересов другой компании. Эти обстоятельства могут рассматриваться совместно как часть одной обширной группы. Указанное объединение оправдано тем, что во всех приведённых выше случаях самостоятельная правосубъектность корпорации (компании) ставится под сомнение ввиду того, что она начинает выступать в качестве проводника воли и интересов других лиц (физических или юридических). В США ПКВ в подобных случаях осуществляется в рамках двух основных равнозначных теорий – инструментальной и альтер-эго [7. С. 9–10].

В соответствии с инструментальной доктриной ПКВ считается оправданным, когда головная компания применяет свою дочернюю структуру как средство (инструмент) для достижения собственных целей. Хотя первоначально эта доктрина применялась исключительно для случаев с присутствием контроля со стороны материнской компании [38, 40], позже она стала применяться в других ситуациях, где имел место прямой контроль над корпорацией (компанией) должником со стороны её акционеров. ПКВ на основании применения инструментальной доктрины не потеряло своей актуальности и в наше время. Так, например, применяя её в деле «ABN AMRO Bank, N.V. v. MBIA Inc.», Апелляционный суд штата Нью-Йорк указал на зависимое положение компании MBIA Insurance, сославшись на то, что полный пакет акций этой компании принадлежит MBIA Inc., кроме того, руководящий состав двух компаний, включая генерального директора, финансового директора и главного юрисконсульта, представлен одними и теми же лицами [8. С. 350–351].

В свою очередь, ПКВ согласно доктрине альтер-эго осуществляется, когда компания фактически служит лишь для расширения личности её владельца (т.е. является его «другим я») и используется в целях нанесения ущерба третьим лицам [10. С. 353–354]. Как отмечено в решении Верховного суда штата Техас, суды имеют право игнорировать правосубъектность юридического лица, когда существует такое единство между корпорацией и физическим лицом, что корпорация перестает быть отдельным субъектом, а привлечение к ответственности только корпорации будет способствовать

несправедливости [41]. Согласно этому решению к числу признаков, подтверждающих наличие ситуации альтер-эго, относятся: (1) невыполнение корпоративных формальностей; (2) степень разделения индивидуальной собственности; (3) размер финансовой заинтересованности, владения и контроля физического лица над корпорацией; (4) факт использования корпорации в личных целях. Эта доктрина также нашла широкое применение в правоприменительной практике США [42–44].

Российской правовой системе также известна концепция ПКВ. С практической стороны она реализуется на основании применения норм ст. 10 ГК РФ, содержащей запрет на осуществление гражданских прав в недобросовестных целях¹ [26]. Она также нашла отражение в п. 3 ст. 3 ФЗ «Об АО» [27] и ФЗ «Об ООО» [28], которые предусматривают возможность привлечения к субсидиарной ответственности акционеров или участников, а также других лиц, осуществляющих фактический контроль² над юридическим лицом (далее – контролирующее лицо), за обязательства корпорации в случае её банкротства. Условия для наступления субсидиарной ответственности³ контролирующего лица в случае банкротства компании определены в статьях 61.11–61.13 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Там же указаны условия, при одновременном выполнении которых контролирующее лицо освобождается от ответственности⁴ [45].

Старт активному применению доктрины ПКВ в правоприменительной практике РФ был дан Высшим Арбитражным Судом (далее – ВАС) РФ в 2012 г. [46]. В этом решении суд впервые применил доктрину, указав, что АО «Парекс банк» и АО «Цитаделе банк» вели бизнес в России через аффилированных лиц, чтобы уклониться от соблюдения норм банковского регулирования [47]. С тех пор ссылки на доктрину ПКВ стали очень часто появляться как в доводах сторон судебного процесса, так и в решениях судов различных инстанций по всей стране [48–50]. Однако после дела АО «Парекс банк» ВАС РФ не дал дополнительных разъяснений относительно использования доктрины ПКВ [51. С. 49]. К тому же в 2014 г. ВАС РФ был

¹ Под недобросовестными понимаются действия, совершённые в целях: (1) причинения вреда другим лицам; (2) обхода закона с противоправной целью; (3) совершения иных заведомо недобросовестных действий (злоупотребление правом).

² Под фактическим контролем понимается наличие права давать обязательные для корпорации (компании) указания, равно как и возможность иным образом определять её действия.

³ Контролирующее лицо привлекается к субсидиарной ответственности по долгам корпорации в следующих случаях: (1) наступление невозможности полного погашения требований кредиторов, вызванное виновными действиями (бездействием) контролирующего лица; (2) умышленная неподача (просрочка подачи) заявления о банкротстве; (3) нарушение положений законодательства о несостоятельности (банкротстве).

⁴ Контролирующее лицо освобождается от субсидиарной ответственности по долгам корпорации в случае, если: (1) его действия соответствовали обычным условиям гражданского оборота; (2) он добросовестно и разумно действовал в интересах должника и его владельцев; (3) он не нарушал имущественные права кредиторов; (4) он действовал с целью предотвращения ещё большего ущерба интересам кредиторов.

ликвидирован. В свете этого Е.М. Тужилова-Орданская выразила мнение, что в России сложно применять доктрину ПКВ из-за отсутствия национальных норм писанного законодательства и чётких разъяснений высших судебных инстанций [12. С. 80–81].

В 2017 г. Пленум Верховного Суда (далее – ВС) РФ предоставил подробные разъяснения по вопросам привлечения к ответственности контролирующих лиц в случае банкротства корпорации [52]. Были уточнены общие принципы и частные случаи привлечения к субсидиарной ответственности, разъяснён порядок определения контролирующего лица (номинального и фактического руководителя), описаны процессуальные аспекты рассмотрения соответствующих заявлений. Важным является и решение ВС РФ от 30 сентября 2019 г., в котором было указано, что отказ в предоставлении конкурсному управляющему необходимой корпоративной документации свидетельствует о причинно-следственной связи между действиями контролирующего лица и невозможностью удовлетворения требований кредиторов [53].

В результате сегодня доктрина ПКВ довольно прочно вошла в правоприменительную практику РФ. Статистические данные о банкротствах компаний показывают значительные изменения с 2016 по 2022 г. За этот период количество исков о субсидиарной ответственности физических лиц увеличилось в 2,7 раза, достигнув 7 259 случаев. Количество судебных решений о привлечении к ответственности выросло в 7,7 раза, составив 3 385 актов. Число привлечённых к ответственности физических лиц увеличилось в 9,9 раза и достигло 5 132 человек, а общая сумма взысканных с них средств возросла в шесть раз и составила 425,5 млрд руб. (см. рис. 1). При этом количество корпоративных банкротств за указанный период снизилось в 1,4 раза (с 12,5 до 9,1 тыс. случаев). Отмечается также, что суды стали чаще удовлетворять требования кредиторов: если в 2016 г. было удовлетворено лишь 16% исковых заявлений, то в 2022 г. этот показатель составил уже 47%.

Рис. 1. Статистика привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве корпорации (компании).

Источник. Составлено автором по данным [54]

Также по своим целям с доктриной ПКВ тесно связана предусмотренная абз. 2 ч. 2 ст. 67.3 ГК РФ возможность привлечения материнской компании к ответственности по обязательствам своей дочерней компании [26]. Иными словами, при соблюдении указанных в законе условий¹ кредиторы дочернего предприятия могут требовать в судебном порядке погашения долгов за счёт средств материнской компании. При этом, как разъяснил ВС РФ в п. 13 обзора судебной практики № 1 от 2019 г., суды должны оценивать реальную возможность влияния на решения, принимаемые дочерними компаниями, и степень участия головной компании в управлении делами группы компаний [68].

Судебная практика в части применения доктрины ПКВ в РФ продолжает совершенствоваться. Появляются новые решения высших судебных инстанций, которые упрощают работу нижестоящих судов, давая возможность ссылаться на них. Одним из последних таких случаев стало решение ВС РФ о привлечении к субсидиарной ответственности физического лица (Э.В. Киценко), контролирующего группу компаний ООО «Луиджи Альбино», в которую входит компания-должник ООО «Абсолют», чей руководитель (М. К. Шихмагомедов) не предоставил документацию конкурсному управляющему [55]. В мотивировочной части суд пояснил, что в рассматриваемом деле М. К. Шихмагомедов представлял собой номинальное контролирующее лицо, роль которого заключалась в защите бенефициаров от последствий принятия ими противоправных управленческих решений, приведших к банкротству компании. В итоге произошло смещение ответственности от лиц, действительно причастных к нарушениям (теневых руководителей), к лицам номинальным. Эта ситуация ущемляет права кредиторов на взыскание убытков, так как номинальные директора обычно не иницируют действия, вызывающие банкротство, и редко обладают достаточными активами для возмещения нанесённого ущерба. Тем временем реальные бенефициары, оставаясь в тени, избегают ответственности и извлекают выгоду от своих бесчестных действий [55].

Хотя в этом деле нет прямой ссылки на доктрину ПКВ, очевидно, что оно непосредственным образом связано с ней. Принимая решение о необходимости привлечения к субсидиарной ответственности теневого руководителя и главного бенефициара Э. В. Киценко, суд дважды прибег к игнорированию конструкции юридического лица, срывая корпоративный покров в первый раз – с ООО «Абсолют», а второй – с ООО «Луиджи Альбино». При этом Э.В. Киценко официально не являлся руководителем ни одной из этих компаний.

¹ Основаниями привлечения материнской компании к солидарной ответственности являются: (1) наличие указания на совершение сделки со стороны материнской компании; (2) наличие одобрения со стороны материнской компании на совершение сделки, предложенной дочерней компанией.

3. Обратное прокалывание корпоративной вуали

В РФ применение доктрины ОПКВ крайне ограничено ввиду отсутствия чётких законодательных ориентиров. Как мы помним, корпорация (компания) не несёт ответственности по долгам своих владельцев, за исключением ситуаций, которые регламентируются ГК РФ или другими законодательными актами (п. 2 ст. 56 ГК РФ) [26]. Однако ни ГК РФ, ни ФЗ «Об АО» [27], ни ФЗ «Об ООО» [28] не содержат оговорок относительно возможности привлечения общества по долгам его акционера (учредителя). То есть возможность применения доктрины ОПКВ основывается исключительно на положениях ст. 10 ГК РФ [26]. Как отмечают И.С. Шиткина и Д.Г. Копылов, отсутствие законодательной и доктринальной разработки теории ОПКВ в России привело к тому, что сегодня она нашла отражение лишь в отдельных судебных актах [17. С. 14]. В частности, исследователям удалось обнаружить лишь три подобных примера, представленных ниже.

В 2012 г. суд г. Москвы обратил взыскание на недвижимое имущество нескольких юридических лиц по долгам их бенефициарного владельца, поскольку тот являлся собственником указанного имущества, в полной мере реализуя свои права через цепочку корпоративного контроля [56]. ВС РФ впоследствии подтвердил законность этого решения [57].

В 2019 г. суд г. Тольятти удовлетворил гражданский иск в рамках уголовного процесса, обратив взыскание на имущество нескольких иностранных и одной российской компании, обосновав это тем, что указанные компании находились под управлением обвиняемых и по сути составляли часть их собственности, которая должна быть использована для возмещения причинённого ими ущерба [58]. Позже это решение было рассмотрено в апелляционном порядке и оставлено судом без изменений [17. С. 14–16].

Последний из представленных примеров весьма запутан, поскольку в нём нет ни кредиторов, ни третьих лиц, чьи права могли бы быть нарушены, а истец и ответчик представлены крупными бизнесменами, владеющими несколькими золотодобывающими компаниями, в том числе и совместно учреждённого ими ООО «Верхнеамурские промыслы». Возникший между истцом и ответчиком спор произрастал из невыполнения условий корпоративного договора, согласованного сторонами при учреждении совместного предприятия. Не углубляясь в суть спора, отметим, что, используя должностное положение, ответчик уклонился от исполнения взятых на себя обязательств по выкупу переданного ему авансом спорного актива, сославшись на отсутствие средств. Позже, получив отказ истца от совершения сделки ввиду длительной просрочки платежа, ответчик вовсе вывел его из совместного предприятия путём продажи другой компании, которой он владел, по значительно заниженной стоимости. Истец потребовал возврата потерянного актива и компенсации в виде неустойки.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска, тем самым фактически позволив ответчику прикрыться ограниченной ответственностью

подконтрольной ему компании. Апелляционный суд отменил указанное решение и удовлетворил требования истца, посчитав, что ответчик передал спорный актив подконтрольному ему юридическому лицу ООО «Альянс» для того, чтобы избежать наступления негативных последствий от расторжения сделки. Таким образом, суд прибег к доктрине ОПКВ, позволив изъять спорные активы из собственности компании, подконтрольной ответчику. Однако позже суд кассационной инстанции посчитал, что выводы суда первой и второй инстанции преждевременны и сделаны ввиду «неполного исследования обстоятельств дела», и направил это дело на новое рассмотрение [59]. Вместе с тем последующее рассмотрение этого дела также завершилось в пользу истца [60].

Правопорядку США, напротив, известно множество случаев ОПКВ (reverse piercing of the corporate veil), когда корпорации (компаний) отвечают по долгам акционеров (участников), имеющих реальный контроль над ней [61–63]. При этом выделяют два основных типа таких прокалываний: внутреннее – инициатором является корпоративный инсайдер, и внешнее – инициатором является кредитор акционера (участника), будь он представлен физическим или юридическим лицом [18]. Это разделение проявляется и в трёх приведённых выше примерах из российской судебной практики, где первые два иска были инициированы внешними кредиторами, в то время как третий – инсайдером. Правовые основания применения доктрины ОПКВ аналогичны тем, что предусмотрены для доктрины ПКВ. Как правило, суды ссылаются на наличие ситуации альтер-эго, что позволяет им ставить знак равенства между имуществом корпорации (компаний) и её акционера (участника) [16. С. 11–12]. При этом также устанавливается: (1) имело ли место наличие полного контроля (доминирования) со стороны акционера (участника); (2) был ли им совершён факт мошенничества или несправедливости [15. С. 1151]. Вместе с тем суды учитывают, что применение доктрины ОПКВ не должно наносить ущерб третьим лицам – кредиторам самой компании [63].

Однако сегодня судебные органы США перешли к комбинированному применению обеих доктрин, позволяющих игнорировать правосубъектность юридических лиц. В качестве примера приведём недавнее дело «Mortimer v. McCool», в котором Верховный суд штата Пенсильвания заключил, что «ответственность должна распространяться от организации-должника до общего владельца целевой сестринской компании, а затем от общего владельца до самой целевой сестринской компании». Таким образом, это заключение суда позволяет осуществлять двойное прокалывание корпоративной вуали в рамках одного дела, возлагая ответственность корпорации (компаний) сначала на её собственников (прокалывание вуали), а затем на другую корпорацию (компанию), находящуюся в собственности тех же владельцев (обратное прокалывание вуали) [64]. Этот подход также именуется доктриной единого предприятия (enterprise theory) [11. С. 47], он набирает популярность в США и уже используется судебными органами

около трети штатов. Согласно этой доктрине группа аффилированных компаний, объединённых общими бизнес-целями и имеющих одних и тех же владельцев, рассматривается как единый коммерческий субъект. В результате каждая из компаний в группе может нести ответственность по обязательствам остальных [65].

Следует отметить, что указанная доктрина в целом известна российскому правопорядку, однако она нашла весьма ограниченное применение. Согласно ст. 9 ФЗ «О защите конкуренции» группой лиц признаются юридические лица: в которых более 50% членов руководящих органов представлены одними и теми же физическими лицами; если одно юридическое лицо вправе давать другому указания, которые являются обязательными для исполнения; если одному юридическому лицу принадлежит более 50% общего количества голосов, и т.д. [66]. Согласно пп. 11 п. 1 ст. 251 Налогового кодекса РФ в процессе расчёта налоговой базы российской компании из её доходов исключаются доходы в форме имущества или имущественных прав, полученные безвозмездно от компаний и лиц, чья доля в её уставном капитале превышает 50%, а также от организаций, в которых её доля в уставном капитале превышает 50% [67]. Эти нормы указывают на то, что антимонопольное и налоговое законодательство РФ использует доктрину единого коммерческого предприятия или единого хозяйствующего субъекта. Возможно, пришло время адаптировать её к гражданскому законодательству.

Выводы

Главным преимуществом внедрения института ограниченной ответственности корпорации (компаний) считается наличие возможности снижения персональных финансовых рисков её акционеров (участников), а главным недостатком – наличие возможности применения конструкции юридического лица в незаконных целях. Естественной реакцией на такие правонарушения стали доктрины прокалывания и обратного прокалывания корпоративной вуали, суть применения которых заключается в игнорировании правосубъектности коммерческой корпорации (компаний) при выявлении случаев недобросовестного поведения со стороны субъектов, контролирующих такое юридическое лицо.

Основания для применения этих доктрин схожи и сводятся к наличию трёх основных условий. Первое из них – наличие материального ущерба, нанесённого корпорацией (компанией) должником её кредиторам (физическим и юридическим лицам, публично-правовым образованиям, перед которыми образовалась задолженность). Именно кредиторы выступают инициаторами гражданских дел о прокалывании (обратном прокалывании) корпоративной вуали. Второе условие – корпорация (компания) утратила свою автономию, т.е. она находится под прямым контролем аффилированных лиц, преследующих свои собственные интересы. Наконец, последнее условие –

злоупотребление правом со стороны контролирующих лиц, т.е. преднамеренные недобросовестные действия (бездействие), направленные на нарушение закона или прав третьих лиц.

Механизмы прокалывания и обратного прокалывания корпоративной вуали широко применяются в правоприменительной практике США. Они имеют законодательно закреплённую доктринальную основу, включающую в себя ряд теорий (инструментальная теория, теория альтер-эго и теория единого предприятия), которые с разным успехом применяются в различных штатах.

В РФ же механизм ПКВ не оформлен в виде доктрины. Однако гражданское законодательство позволяет прибегать к нему путём привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам обанкротившихся компаний, а также путём привлечения головной компании к солидарной ответственности по обязательствам её дочерних структур. К сожалению, нельзя сказать того же о механизме ОПКВ, который не получил распространения в РФ. В отечественной судебной практике представлены лишь единичные случаи привлечения корпораций (компаний) к ответственности по долгам контролирующих её лиц. Это объясняется отсутствием законодательной и доктринальной разработки теории ОПКВ, потребность в которой, на наш взгляд, назрела уже давно. Сегодня, применяя эту доктрину для необходимой правовой защиты кредиторов, суды фактически работают на опережение, создавая практику при полном отсутствии необходимых законодательных норм. Однако этот опыт, а также релевантный опыт США будет весьма полезен при совершенствовании российского корпоративного законодательства.

Список источников

1. Кравчук А.А. Теоретические и практические подходы к пониманию сущности категории «корпорация» // Вестник МГПУ «Юридические науки». 2023. № 3 (51). С. 81–94. doi: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.07
2. Kempin (Jr.) F.G. Limited Liability in Historical Perspective // American Business Law Association Bulletin. 1960. Vol. 4, № 1. P. 11–34.
3. Harris R. A new understanding of the history of limited liability: an invitation for theoretical reframing // Journal of Institutional Economics. 2020. Vol. 16, № 5. P. 643–664. doi: <https://doi.org/10.1017/S1744137420000181>
4. Hansmann H., Kraakman R., Squire R. Law and the Rise of the Firm // Harvard Law Review. 2006. Vol. 119, № 5. P. 1333–1403.
5. Лаптев В.А. Рецессия правовой конструкции «ограниченной ответственности» членов коммерческих корпораций // Государство и право. 2020. № 9. С. 63–72. doi: 10.31857/S013207690009532-7
6. Артемова А.Н. Юридическая фикция: способы применения в гражданском праве Российской Федерации // Respublica Literaria. 2021. Т. 2, № 2. С. 121–130. doi: 10.47850/RL.2021.2.2.121-130
7. Allsop J.J. Piercing the corporate veil: recent international developments // Keynote address at the 38th Annual Conference of the Banking & Financial Services Law Association. 2022. 28 p.

8. Cheng T.K. The corporate veil doctrine revised: A comparative study of the English and the U.S. corporate veil doctrines // *Boston College International and Comparative Law Review*. 2011. Vol. 34, № 2. P. 329–412.
9. Macey J., Mitts J. Finding Order in the Morass: The Three Real Justifications for Piercing the Corporate Veil // *Cornell Law Review*. 2014. Vol. 100, № 1. P. 99–155.
10. Sparkman A. Will Your Veil be Pierced? How Strong Is Your Entity's Liability Shield? Piercing the Veil, Alter Ego, and Other Bases for Holding an Owner Liable for Debts of an Entity // *Hastings Business Law Journal*. 2016. Vol. 12, № 3. P. 349–487.
11. Захаров А.Н. Некоторые вопросы снятия корпоративной вуали: американский опыт и возможности его использования в российском праве // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2014. № 10. С. 32–62.
12. Тужилова-Орданская Е.М. Снятие корпоративной вуали: теория и практика // *Власть Закона*. 2014. № 3. С. 72–81.
13. Артемова А.Н. Доктрина «снятия корпоративной вуали» как ответ на злоупотребление правом со стороны лиц, контролирующих корпорацию // *Юрист*. 2019. № 11. С. 36–42.
14. Подшивалов Т.П. К вопросу о соотношении доктрины бенефициарной собственности и доктрины снятия корпоративной вуали при оспаривании корпоративных решений // *Пермский юридический альманах*. 2018. № 1. С. 343–348.
15. Allen N.B. Reverse Piercing of the of the Corporate Veil: A Straightforward Path to Justice // *St. John's Law Review*. 2011. Vol. 85, № 3. P. 1147–1188.
16. Miller E.S. The Limits of Limited Liability: Veil Piercing and Other Bases of Personal Liability of Owners, Governing Persons, and Agents of Texas Business Entities // *State Bar of Texas, Essentials of Business Law*. Chapter 4. 2017. 50 p.
17. Шиткина И.С., Копылов Д.Г. Обратное снятие корпоративной вуали // *Законодательство*. 2020. № 3. С. 7–17.
18. Амирян И.Л. Об обратном снятии корпоративной вуали // *Акционерное общество: вопросы корпоративного управления*. 2021. URL: <https://ao-journal.ru/ob-obratnom-snyatii-korporativnoj-vuali> (дата обращения: 10.10.2023).
19. Кривцун Е.П. Генезис, сущность и основные подходы к определению воли юридического лица в гражданском праве и ее автономия // *Пробелы в российском законодательстве*. 2018. № 7. С. 49–55.
20. Easterbrook F.H., Fischel D.R. Limited Liability and the Corporation // *University of Chicago Law Review*. 1985. Vol. 52, № 1. P. 89–117.
21. Blankenburg S., Plesch D., Wilkinson F. Limited liability and the modern corporation in theory and in practice // *Cambridge Journal of Economics*. 2010. Vol. 34. P. 821–836. doi: 10.1093/cje/beq028
22. Stone C.D. The Place of Enterprise Liability in the Control of Corporate Conduct // *The Yale Law Journal*. 1980. Vol. 90, № 1. 77 p.
23. Ireland P. Limited Liability, Shareholder Rights and Corporate Irresponsibility // *Cambridge Journal of Economics*. 2010. Vol. 34, № 5. P. 837–856. doi: 10.1093/cje/ben040
24. Vuillemeys G. The Origins of Limited Liability: Catering to Safety Demand with Investors' Irresponsibility // *CEPR Press Discussion Paper No. 17910*. 2023. 47 p.
25. Ribstein L. E. Limited Liability and Theories of the Corporation // *Maryland Law Review*. 1991. Vol. 50, № 1. P. 80–130.
26. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
27. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».
28. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».
29. Texas Statutes Business Organizations Code (2022). § 21.223.
30. Delaware General Corporation Law. § 102 (b) (6). URL: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/index.html> (дата обращения: 10.10.2023).

31. Model Business Corporation Act (2016 Revision) (December 9, 2016). Active 36436414.2.
32. Castleberry v. Branscum, 721 S.W.2d 270, Supreme Court of Texas, 1986.
33. Melton A.S. When Liability isn't Limited – Avoiding Individual Liability as an Owner of a Corporation or LLC // West Mermis. 2021. URL: <https://www.west-mermis.com/news/when-liability-isnt-limited-avoiding-individual-liability-as-an-owner-of-a-corporation-or-llc/> (дата обращения: 10.10.2023).
34. Jimerson Ch.B., Snell B.N. The Five Most Common Ways to Pierce the Corporate Veil and Impose Personal Liability for Corporate Debts // Jimerson & Cobb P.A., 2016. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=4ff8ebf0-4bca-426e-8273-758140f6d0eb> (дата обращения: 10.10.2023).
35. Piercing the Corporate Veil: What it Means and How to Avoid it // Brinen & Associates. URL: <https://brinenlaw.com/limited-liability-company/piercing-the-corporate-veil-what-it-means-and-how-to-avoid-it/> (дата обращения: 10.10.2023).
36. Broward Marine, Inc. v. S/V Zeus, 2010 WL 427496, US District Court for the Southern District of Florida, 2010.
37. Husky Int'l Elecs., Inc. v. Ritz (In re Ritz), 832 F.3d 560, US Court of Appeals, Fifth Circuit, 2016.
38. Lowendahl v. Baltimore & O. R. CO. et al., 272 N.Y. 360, 6 N.E.2d 56, New York Court of Appeals, 1936.
39. Allied Chem. Carriers, Inc. v. Nat'l Biofuels LP, No. H-10-1109, United States District Court for the Southern District of Texas Houston Division, 2011.
40. North v. Higbee Co., 3 N.E.2d 391, 131 Ohio St. 507, Supreme Court of Ohio, 1936.
41. Mancorp, Inc. v. Culpepper, 802 S.W.2d 226, Supreme Court of Texas, 1990.
42. BMC Software Belgium, N.V. v. Marchand, 83 S.W.3d 789, Supreme Court of Texas, 2002.
43. Cobalt Partners, L.P. v. GSC Capital Corp, 2012 N.Y. Slip Op. 03383, 97 A.D.3d 35, 944 N.Y.S.2d 30, New York Supreme Court Appellate Division, 2012.
44. Tazarek v. Lakeview Excavating, Inc. 2021 ND 237, Supreme Court of North Dakota, 2021.
45. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
46. ВАС подарил жизнь доктрине «срывания корпоративной вуали» // Право.RU. URL: <https://pravo.ru/review/view/77557/> (дата обращения: 10.10.2023).
47. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.04.2012 № 16404/11.
48. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 июля 2023 г. № Ф05-26628/21 по делу № А40-263938/2020.
49. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 04.08.2023 № Ф07-11303/23 по делу № А56-105157/2020.
50. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 08.06.2023 № 10АП-10184/23 по делу № А41-75226/2022.
51. Шишмарева Е. С. Проблемы применения доктрины «снятия корпоративной вуали» в России // Отечественная юриспруденция. 2018. № 3 (28). С. 48-50.
52. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».
53. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.09.2019 № 305-ЭС19-10079 по делу № А41-87043/2015.
54. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству за 2022 год // Федресурс. URL: <https://fedresurs.ru/news/191fa52b-1fc4-4796-ac1e-b5de2693e52c> (дата обращения: 10.10.2023).

55. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.01.2023 № 305-ЭС21-18249 (2, 3) по делу № А40-303933/2018.
56. Апелляционное определение Московского городского суда от 02.08.2012 по делу № 11-16173.
57. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.06.2013 № 5-КГ13-61.
58. Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти Самарской области от 05.07.2019 по делу № 22-2307/2019.
59. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.05.2019 № Ф05-9174/19 по делу № А40-207551/2018.
60. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 24.10.2019 по делу № А40-207551/2018.
61. Seghers v. Bizri, 513 F. Supp. 2d 694, Civil Action No. 3:06-CV-0279-G, U.S. District Court for the Northern District of Texas, 2007.
62. Rodriguez v. Four Dominion Drive, LLC (In re Boyd), BANKR. CASE No. 11-51797, US Bankruptcy Court of Western District of Texas, 2012.
63. Manichae Capital, LLC v. Exela Technologies, Inc., WL 2104857, Delaware Court of Chancery, 2021.
64. Mortimer v. McCool, 255 A.3d 261, Supreme Court of Pennsylvania, 2021.
65. Priselac J. Revisiting 'Mortimer v. McCool': Applying It to Future Cases Remains Unclear // Duane Morris LLP & Affiliates. 2022. URL: https://www.duanemorris.com/articles/revisiting_mortimer_mccool_applying_future_cases_remains_unclear_0722.html (дата обращения: 10.10.2023).
66. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».
67. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ.
68. Обзор судебной практики ВС РФ № 1 (2019), утверждён Президиумом ВС РФ 24.04.2019.

References

1. Kravchuk, A.A. (2023) Teoreticheskie i prakticheskie podkhody k ponimaniyu sushchnosti kategorii “korporatsiya” [Theoretical and practical approaches to understanding the essence of the category “corporation”]. *Vestnik MGPU “Yuridicheskie nauki.”* 3(51). pp. 81–94. DOI: 10.25688/2076-9113.2023.51.3.07
2. Kempin (Jr.), F.G. (1960) Limited Liability in Historical Perspective. *American Business Law Association Bulletin.* 4(1). pp. 11–34.
3. Harris, R. (2020) A new understanding of the history of limited liability: an invitation for theoretical reframing. *Journal of Institutional Economics.* 16(5). pp. 643–664. DOI: 10.1017/S1744137420000181
4. Hansmann, H., Kraakman, R. & Squire, R. (2006) Law and the Rise of the Firm. *Harvard Law Review.* 119(5). pp. 1333–1403.
5. Laptev, V.A. (2020) Retsessiya pravovoy konstruktssii “ogranichennoy otvetstvennosti” chlenov kommercheskikh korporatsiy [Recession of the Legal Construction of “Limited Liability” of Members of Commercial Corporations]. *Gosudarstvo i pravo.* 9. pp. 63–72. DOI: 10.31857/S013207690009532-7
6. Artemova, A.N. (2021) Yuridicheskaya fiktsiya: sposoby primeneniya v grazhdanskom pra-ve Rossiyskoy Federatsii [Legal Fiction: Methods of Application in the Civil Law of the Russian Federation]. *Respublica Literaria.* 2(2). pp. 121–130. DOI: 10.47850/RL.2021.2.2.121-130
7. Allsop, J.J. (2022) *Piercing the corporate veil: recent international developments.* Keynote address at the 38th Annual Conference of the Banking & Financial Services Law Association.

8. Cheng, T.K. (2011) The corporate veil doctrine revised: A comparative study of the English and the U.S. corporate veil doctrines. *Boston College International and Comparative Law Review*. 34(2). pp. 329–412.

9. Macey, J. & Mitts, J. (2014) Finding Order in the Morass: The Three Real Justifications for Piercing the Corporate Veil. *Cornell Law Review*. 100(1). pp. 99–155.

10. Sparkman, A. (2016) Will Your Veil be Pierced? How Strong Is Your Entity's Liability Shield? Piercing the Veil, Alter Ego, and Other Bases for Holding an Owner Liable for Debts of an Entity. *Hastings Business Law Journal*. 12(3). pp. 349–487.

11. Zakharov, A.N. (2014) Nekotorye voprosy snyatiya korporativnoy vuali: amerikanskiy opyt i vozmozhnosti ego ispol'zovaniya v rossiyskom prave [Some Issues of Piercing the Corporate Veil: American Experience and Possibilities of Its Use in Russian Law]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 10. pp. 32–62.

12. Tuzhilova-Ordanskaya, E.M. (2014) Snyatie korporativnoy vuali: teoriya i praktika [Piercing the Corporate Veil: Theory and Practice]. *Vlast' Zakona*. 3. pp. 72–81.

13. Artemova, A.N. (2019) Doktrina “snyatiya korporativnoy vuali” kak otvet na zloupotreblenie pravom so storony lits, kontroliruyushchikh korporatsiyu [The Doctrine of “Piercing the Corporate Veil” as a Response to Abuse of Rights by Persons Controlling a Corporation]. *Yurist*. 11. pp. 36–42.

14. Podshivalov, T.P. (2018) K voprosu o sootnoshenii doktriny benefitsiarnoy sobstvennosti i doktriny snyatiya korporativnoy vuali pri osparivanii korporativnykh resheniy [On the Relationship between the Doctrine of Beneficial Ownership and the Doctrine of Piercing the Corporate Veil When Challenging Corporate Decisions]. *Permskiy yuridicheskiy al'manakh*. 1. pp. 343–348.

15. Allen, N.B. (2011) Reverse Piercing of the of the Corporate Veil: A Straightforward Path to Justice. *St. John's Law Review*. 85(3). pp. 1147–1188.

16. Miller, E.S. (2017) The Limits of Limited Liability: Veil Piercing and Other Bases of Per-sonal Liability of Owners, Governing Persons, and Agents of Texas Business Entities. *State Bar of Texas, Essentials of Business Law*. Chapter 4.

17. Shitkina, I.S. & Kopylov, D.G. (2020) Obratnoe snyatie korporativnoy vuali [Reverse Piercing of the Corporate Veil]. *Zakonodatel'stvo*. 3. pp. 7–17.

18. Amiryan, I.L. (2021) *Ob obratnom snyatii korporativnoy vuali* [On Reverse Piercing of the Corporate Veil]. [Online] Available from: <https://ao-journal.ru/ob-obratnom-snyatii-korporativnoj-vuali> (Accessed: 10th October 2023).

19. Krivtsun, E.P. (2018) Genezis, sushchnost' i osnovnye podkhody k opredeleniyu voli yuridicheskogo litsa v grazhdanskom prave i ee avtonomiya [Genesis, essence and main approaches to determining the will of a legal entity in civil law and its autonomy]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 7. pp. 49–55.

20. Easterbrook, F.H. & Fischel, D.R. (1985) Limited Liability and the Corporation. *University of Chicago Law Review*. 52(1). pp. 89–117.

21. Blankenburg, S., Plesch, D. & Wilkinson, F. (2010) Limited liability and the modern corporation in theory and in practice. *Cambridge Journal of Economics*. 34. pp. 821–836. DOI: 10.1093/cje/beq028

22. Stone, C.D. (1980) The Place of Enterprise Liability in the Control of Corporate Conduct. *The Yale Law Journal*. 90(1).

23. Ireland, P. (2010) Limited Liability, Shareholder Rights and Corporate Irresponsibility. *Cambridge Journal of Economics*. 34(5). pp. 837–856. DOI: 10.1093/cje/ben040

24. Vuillemeij, G. (2023) The Origins of Limited Liability: Catering to Safety Demand with Investors' Irresponsibility. *CEPR Press Discussion Paper*. No. 17910.

25. Ribstein, L.E. (1991) Limited Liability and Theories of the Corporation. *Maryland Law Review*. 50(1). pp. 80–130.

26. Russian Federation. (1994) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ* [Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, No. 51-FZ].

27. Russian Federation. (1995) *Federal'nyy zakon ot 26.12.1995 № 208-FZ "Ob aktsionernykh obshchestvakh"* [Federal Law No. 208-FZ dated December 26, 1995, "On Joint-Stock Companies"].
28. Russian Federation. (1998) *Federal'nyy zakon ot 08.02.1998 № 14-FZ "Ob obshchestvakh s ogranichennoy otvetstvennost'yu"* [Federal Law No. 14-FZ dated February 8, 1998, "On Limited Liability Companies"].
29. USA. (2022) *Texas Statutes Business Organizations Code*. § 21.223.
30. USA. (n.d.) *Delaware General Corporation Law*. § 102 (b) (6). [Online] Available from: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/index.html> (Accessed: 10th October 2023).
31. *Model Business Corporation Act* (2016 Revision) (December 9, 2016). Active 36436414.2.
32. USA. (1986) *Castleberry v. Branscum*, 721 S.W.2d 270, Supreme Court of Texas.
33. Melton, A.S. (2021) *When Liability isn't Limited – Avoiding Individual Liability as an Owner of a Corporation or LLC*. [Online] Available from: <https://www.westmermis.com/news/when-liability-isnt-limited-avoiding-individual-liability-as-an-owner-of-a-corporation-or-llc/> (Accessed: 10th October 2023).
34. Jimerson, Ch.B. & Snell, B.N. (2016) *The Five Most Common Ways to Pierce the Corporate Veil and Impose Personal Liability for Corporate Debts*. [Online] Available from: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=4ff8ebf0-4bca-426e-8273-758140f6d0eb> (Accessed: 10th October 2023).
35. Brinen & Associates. (n.d.) *Piercing the Corporate Veil: What it Means and How to Avoid it*. [Online] Available from: <https://brinenlaw.com/limited-liability-company/piercing-the-corporate-veil-what-it-means-and-how-to-avoid-it/> (Accessed: 10th October 2023).
36. USA. (2010) *Broward Marine, Inc. v. S/V Zeus*, 2010 WL 427496, US District Court for the Southern District of Florida.
37. USA. (2016) *Husky Int'l Elecs., Inc. v. Ritz (In re Ritz)*, 832 F.3d 560, US Court of Appeals, Fifth Circuit.
38. USA. (1936) *Lowendahl v. Baltimore & O. R. CO. et al.*, 272 N.Y. 360, 6 N.E.2d 56, New York Court of Appeals.
39. United States District Court for the Southern District of Texas Houston Division. (2011) *Allied Chem. Carriers, Inc. v. Nat'l Biofuels LP*, No. H-10-1109.
40. Supreme Court of Ohio. (1936) *North v. Higbee Co.*, 3 N.E.2d 391, 131 Ohio St. 507.
41. Supreme Court of Texas. (1990) *Mancorp, Inc. v. Culpepper*, 802 S.W.2d 226.
42. Supreme Court of Texas. (2002) *BMC Software Belgium, N.V. v. Marchand*, 83 S.W.3d 789.
43. New York Supreme Court Appellate Division. (2012) *Cobalt Partners, L.P. v. GSC Capital Corp*, 2012 N.Y. Slip Op. 03383, 97 A.D.3d 35, 944 N.Y.S.2d 30.
44. Supreme Court of North Dakota. (2021) *Taszarek v. Lakeview Excavating, Inc.* 2021 ND 237.
45. Russian Federation. (2002) *Federal'nyy zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ "O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)"* [Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002, "On Insolvency (Bankruptcy)"].
46. Pravo.RU. (2012) *VAS podaril zhizn' doktrine "sryvaniya korporativnoy vuali"* [The Supreme Arbitration Court gave life to the doctrine of "piercing the corporate veil"]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/review/view/77557/> (Accessed: 10th October 2023).
47. Russian Federation. (2012) *Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 24.04.2012 № 16404/11* [Resolution No. 16404/11 of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated April 24, 2012].
48. Russian Federation. (2023) *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 20 iyulya 2023 g. № F05-26628/21 po delu № A40-263938/2020* [Resolution No. F05-26628/21 of the Arbitration Court of the Moscow District dated July 20, 2023, in case No. A40-263938/2020].

49. Russian Federation. (2023) *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 04.08.2023 № F07-11303/23 po delu № A56-105157/2020* [Resolution No. F07-11303/23 of the Arbitration Court of the North-West District dated August 4, 2023, in case No. A56-105157/2020].

50. Russian Federation. (2023) *Postanovlenie Desyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 08.06.2023 № 10AP-10184/23 po delu № A41-75226/2022* [Resolution No. 10AP-10184/23 of the Tenth Arbitration Court of Appeal dated June 8, 2023, in Case No. A41-75226/2022].

51. Shishmareva, E.S. (2018) Problemy primeneniya doktriny “snyatiya korporativnoy vuali” v Rossii [Problems of applying the doctrine of “piercing the corporate veil” in Russia]. *Otechestvennaya yurisprudentsiya*. 3(28). pp. 48–50.

52. Russian Federation. (2017) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda RF ot 21.12.2017 № 53 “O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s privilecheniem kontroliruyushchikh dolzhnika lits k otvetstvennosti pri bankrotstve”* [Resolution No. 53 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 21, 2017, “On certain issues related to bringing persons controlling the debtor to liability in bankruptcy.”].

53. Russian Federation. (2019) *Opreделение SK po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda RF ot 30.09.2019 № 305-ES19-10079 po delu № A41-87043/2015* [Definition No. 305-ES19-10079 of the Judicial Committee for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 30, 2019, in Case No. A41-87043/2015].

54. Fedresurs. (n.d.) *Statisticheskiy byulleten' Fedresursa po bankrotstvu za 2022 god* [Federal Resource Statistical Bulletin on Bankruptcy for 2022]. [Online] Available from: <https://fedresurs.ru/news/191fa52b-1fc4-4796-ac1e-b5de2693e52c> (Accessed: 10th October 2023).

55. Russian Federation. (2023) *Opreделение SK po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda RF ot 23.01.2023 № 305-ES21-18249 (2, 3) po delu № A40-303933/2018* [Definition No. 305-ES21-18249 (2, 3) of the Judicial Committee for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 23, 2023, in Case No. A40-303933/2018].

56. Russian Federation. (2012) *Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 02.08.2012 po delu № 11-16173* [Appellate ruling of the Moscow City Court dated August 2, 2012, in Case No. 11-16173].

57. Russian Federation. (2013) *Opreделение SK po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda RF ot 18.06.2013 № 5-KG13-61* [Ruling No. 5-KG13-61 of the Civil Cases Panel of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 18, 2013].

58. Russian Federation. (2019) *Prigovor Komsomol'skogo rayonnogo suda g. Tol'yatti Samarskoy oblasti ot 05.07.2019 po delu № 22-2307/2019* [Verdict of the Komsomolsky District Court of Tolyatti, Samara Region, dated July 5, 2019, in Case No. 22-2307/2019].

59. Russian Federation. (2019) *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 16.05.2019 № F05-9174/19 po delu № A40-207551/2018* [Resolution No. F05-9174/19 of the Arbitration Court of the Moscow District dated May 16, 2019, in Case No. A40-207551/2018].

60. Russian Federation. (2019) *Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy ot 24.10.2019 po delu № A40-207551/2018* [Decision of the Arbitration Court of Moscow dated October 24, 2019, in Case No. A40-207551/2018].

61. U.S. District Court for the Northern District of Texas. (2007) *Seghers v. Bizri*, 513 F. Supp. 2d 694, Civil Action No. 3:06-CV-0279-G.

62. US Bankruptcy Court of Western District of Texas. (2012) *Rodriguez v. Four Dominion Drive, LLC (In re Boyd)*, BANKR. CASE No. 11-51797.

63. Delaware Court of Chancery. (2021) *Manichaeen Capital, LLC v. Exela Technologies, Inc.*, WL 2104857.

64. Supreme Court of Pennsylvania. (2021) *Mortimer v. McCool*, 255 A.3d 261.

65. Duane Morris LLP & Affiliates. (2022) *Priselac J. Revisiting 'Mortimer v. McCool': Applying It to Future Cases Remains Unclear*. [Online] Available from:

https://www.duanemorris.com/articles/revisiting_mortimer_mccool_applying_future_cases_re_mains_unclear_0722.html (Accessed: 10th October 2023).

66. Russian Federation. (2006) *Federal'nyy zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ "O zashchite konkurentstii"* [Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006, On Protection of Competition].

67. Russian Federation. (2000) *Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' vtoraya) ot 05.08.2000 № 117-FZ* [Tax Code of the Russian Federation (part two) of August 5, 2000, No. 117-FZ].

68. Russian Federation. (2019) *Obzor sudebnoy praktiki VS RF № 1 (2019), utverzhden Prezidiumom VS RF 24.04.2019* [Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2019), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 24, 2019].

Информация об авторе:

Кравчук А.А. – кандидат политических наук, юрисконсульт ООО «Космический центр «Морской старт»; внештатный научный сотрудник научной лаборатории «Международные институты многостороннего сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона» Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: zkv3krava@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Kravchuk, Cand. Sci. (Politics), legal counsel at «Space Center “Sea Launch”», LLC; freelance researcher at Asia Pacific International Institutions & Multilateral Cooperation Studies Center of Oriental Institute – School of Regional and International Studies of Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: zkv3krava@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.10.2023;
одобрена после рецензирования 16.01.2024; принята к публикации 16.12.2024.*

*The article was submitted 11.10.2023;
approved after reviewing 16.01.2024; accepted for publication 16.12.2024.*